

ВЫСОТА ЕЕ ГЕРОИНЬ

ЗОЛОТЫЕ ВЕТВИ и листья винограда текли по нежным решеткам изгороди. И «каса маре» — лучшая, праздничная комната в доме, где человек должен быть счастлив, «каса маре», искусно убранная руками Василицы, будто улыбнулась после долгой разлуки со своей хозяйкой.

Когда сегодня вспоминаешь спектакль «Каса маре» по пьесе Иона Друце, начинаешь жить и мелодией молдавской песни, в которой причудливо сплелись все скрипки деревенского оркестра, и судьбой Василицы, которую сыграла заслуженная артистка РСФСР Лидия Яковлевна Макарова.

Все расцвело в этой поэтической элегии — так прозвучал спектакль на сцене академического театра имени Ф. Г. Волкова. С самого начала спектакля мы ощутили в Василице огромное богатство духовного мира, следы прожитого и пережитого — той любви, которая была отнята у нее войной, материнства и, наконец, труда, которым наполнена ее жизнь. «Каса маре» явилась спектаклем о человеческой мудрости, о красоте человеческих чувств. До сих пор как самую светлую человеческую судьбу, которую довелось сыграть ей на ярославской сцене, вспоминает Макарова свою Василицу.

— Ты же актрисой скоро будешь, а ходишь по городу босиком! Почему?..

Девчонка стояла перед театром и мыла ноги дождевой водой. Под мышкой была бережно зажата единственная пара туфель. А он, руководитель театральной студии Фирс Шишигин, спрашивал так сурово и требовательно! Откуда было знать ему, что ей покупали туфли один раз в три года? Что у нее — десять братьев и сестер мал-мала меньше, что и на занятия студии она выпрыгивается чуть ли не на свой страх и риск (что это, мол, за профессия — артистка — а?)...

В Уссурийске, на Дальнем Востоке, где она родилась, долгое время не знали театра. В школе неожиданно для себя она поставила спектакль, в котором была своя романтика.

...Шли тридцатые годы. На Дальний Восток приезжали новые люди — с жаждой строить, открывать заново этот богатый край.

Открыл новый театральный сезон театр Красной Армии, и это стало событием для всего города. Ставили «Разгром» Фадеева, и ее захватил спектакль, где речь шла о людях, которые могли жить вместе с ней, рядом. — действие разворачивалось поблизости от тех мест, где жила она.

Варька из «Разгрома» снилась ей по ночам. Ей казалось, что это она, Варька, огрубевшая от пороха и дорожной пыли, от соленых словечек партизан... В финале на сцену выходил Левинсон с теми немногими, кто уцелел в тяжелых боях, и произносил свою негромкую речь. Прекрасные в своих душевных движениях люди уходили продолжать свои подвиги, а она, босая девчонка, оставленная ими в Уссурийске, опять должна была возвращаться домой.

— **ТЫ ХОЧЕШЬ** быть актрисой? Ну, тогда прочти стихи, какие знаешь.

Она опомнилась. Она стояла перед приемной комиссией театральной студии. «От павших твердынь Порт-Артура...» — она хотела прочесть это стихотворение до конца. — Еще? — «Каменщик, каменщик в фаруге белом, что ты там строишь, кому?..» — Петя? — не задумываясь, она торжественно начала романс о белой акации.

— Так ты хочешь быть актрисой?

— Нет! — спокойно и весело ответила она, даже себе боясь признаться в том, что не может без этих людей, которые так вдох-

новенны в «Разгрома», а в других спектаклях поют такие песни, что их немедленно подхватывает весь город. Театром ОКДВА — Особой Краснознаменной Дальневосточной Армии — и студией при театре руководил молодой режиссер Фирс Шишигин.

Уссурийск, Спасск, Владивосток... В годы Великой Отечественной войны на дальнем пограничье Родины театр нес свою боевую вахту. Потом, в сорок пятом, Макарова прошла вместе со своим фронтовым театром трудные дороги Маньчжурии и Кореи — Советская Армия освобождала эти земли от японских милитаристов.

Мастерство приходило с годами. В Воронежском театре актриса сыграла Виринею в одноименной пьесе Л. Сейфуллиной. За исполнение этой роли Лидия Яковлевна Макаровой было присвоено звание заслуженной артистки РСФСР.

ВОТ УЖЕ пятнадцать лет актриса работает в Волковском театре. Много женских судеб, характеров прошло перед ней за эти годы. Она привыкла все лепить крупно, писать портреты своих героинь широкими мазками при всей отшлифованности мелочей и деталей. О Василисе Мелентьевой в пьесе Островского говорится, что она «царица». Василиса Мелентьева Л. Макаровой — царица лицемерия. Тартюф в женском обличье. Так потом назовет рыдающий Федор Волков императрицу Екатерину — Л. Макарову в спектакле «Федор Волков». Природа характера — одна. Искусная притворщица, интриганка, но какое расстояние между двумя этими образами!

Высота ее героинь — в неукротимом стремлении преодолеть все и вся, но взойти на вершину. Парадокс в том, что вершина не приносит ее сценическим созданиям наслаждения, счастья. «Строили года, падает — днями», — удивленно заметит ее Васса Железнова из горьковской пьесы.

ОТ ТРАГЕДИИ, драмы актриса легко переходит к социальной сатире, и тогда возникает ее Мамаева из «На всякого мудреца довольно простоты» Островского; сыгранная остро и зло. Как быстро удавалось Мамаевой — Макаровой предстать перед Глумовым ласковой тетушкой, любящей давать своему племяннику уроки морали, а затем незаметно обволанивать его словами, становясь все мягче, непрестанно ворковать, превращаясь, наконец, в покорительницу сердец!.. И как быстро принимал Глумов эту игру!.. В роли Мамаевой мы видели насклад самых невероятных чувств, исполненных истинно. Беспощадность и яростная жестокость метильницы горели на ее лице, когда она узнавала об измене Глумова. Но стоило Глумову припасть к ее ногам, как этот «сокрушительный натиск» лишал ее сил, и, почти бездыханная, она падала в его объятия. Этот живописный «театр» светской львицы Мамаевой доставлял немало наслаждения зрителям. Запоминалась и финальная, чуть брезгливая, чуть снисходительная улыбка Мамаевой — этот ловкач Глумов еще вернется в общество, еще заявит «мудрецов» с их нелепым прожектерством — и все это благодаря ей, Мамаевой!..

Театральная маска объединяет многих ее героинь — торжественно-царственная у Екатерины II, отчаянно-инстинктивная у Марии Натой («Царь Юрий»), эстрадно-комедийная у Каудуиной («Сослуживцы»). Трудно свершался целительный душевный переворот и в ее Сабуровой («Единственный свидетель»). Непросто ей было спуститься со своего руководящего Олимпа, и все же актриса уверенно вела свою героиню к другой высоте, нравственной, рожающей острый интерес к людям, к человеку, который рядом.

В последнее время актриса сыграла множество эпизодических ролей. Эпизод в исполнении Л. Макаровой — маленький спектакль. В толпе деревенских женщин («Солдатская вдова») вы непременно обратите внимание на шумную Прасковью. Это живой характер, «сельское радио», центр новостей и событий. По-своему сердобольная, Прасковья с наивно-трогательной устремленностью спешит поведать миру лихую правду, почерпнутую из замочных скважин, да еще чувствует себя истинной героиней!.. Торжественно колышет черный балахон госпожи Пернель («Тартюф»). «Вадорная старуха», — так пишут о ней литературоведы. У Макаровой Пернель — настоящая фанатичка, прикрывшаяся завесой добродетели. А поучения, старухи Хлестовой в «Горе от ума»? Они стали ярким эпизодом спектакля. В безликой толпе гостей на балу у Фамусовых она законодательница «и дел, и мнений», она вбирает все зло и пустоту этого общества.

Актриса судьба Макаровой щедро. Лидия Яковлевна мечтает о бреховской матушке Кураж, о шекспировской леди Макбет. Исполнятся ли эти мечты? Но без них невозможно представить себе актерскую жизнь. Поздним вечером она возвращается из театрального училища, окруженная учениками. Им продолжать, завоевывать новые высоты в искусстве.

М. ВАНЯШОВА,
кандидат филологических наук.